

На улице

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрыгнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: Держите вора!
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сертуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моления и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгой,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: Пошел своей дорогой!
И богу поспешил молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть...

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И всё просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.
Сивка дернул дровнишки слегка
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка,
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.
А как было живо дитятко,
То и дело говорилось:

Чтоб ты лопнуло, проклятое!

Да зачем ты и родилось?

Смешная сцена! Ванька-дуралей,

Чтоб седока промыслить побогаче,

Украдкой чистит бляхи на своей

Ободранной и заморенной кляче.

Не так ли ты, продажная краса,

Себе придать желая блеск фальшивый,

Старательно взбиваешь волоса

На голове, давно полуплешивой?

Но оба вы извозчик-дуралей

И ты, смешно причесанная дама,

Вы пробуждаете не смех в душе моей

Мерещится мне всюду драма.